

Н. С. БЕЛЯЕВ

**РУССКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ XVIII ВЕКА —
КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
(А. М. Салтыков, Ф. Х. Фелькнер, А. Ф. Лабзин)**

Многие русские писатели XVIII столетия проявили себя не только на литературном поприще, но и являлись талантливыми государственными деятелями. Некоторые из них имели отношение к Императорской Академии художеств — школе отечественного изобразительного искусства. В академическом Уставе, подписанном Екатериной II в 1765 г., в разделе пятом «О конференц-секретаре» написано: «1. Секретарю надлежит быть человеку искусному в науках, по колику оные к художествам принадлежат. 2. Должность его, содержать журнал получаемым нашим указам и вносить в оный всякие рассуждения и установления Академического Собрания, и производить переписку как с присутственными местами, так и с иностранными академиями и с знатными художниками, сочиняя притом и историю Академии, ему же вверяется и меньшая печать».¹ Должность конференц-секретаря предполагала серьезные познания в области истории искусств, владение иностранными языками, наличие литературных способностей. К сожалению, затем в круг обязанностей конференц-секретаря была включена вся хозяйственная часть, что потребовало несколько других навыков и умений, и это обстоятельство не всегда положительно сказывалось на его работе. Результатами литературного труда писателей, занимавших пост конференц-секретарей в Академии художеств, становились собственные сочинения в виде речей или трудов монографического характера, а также переводы.

¹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914: Часть историческая / Авт.-сост. С. Н. Кондаков. [СПб., 1914]. С. 158.

Имена А. М. Салтыкова, Ф. Х. Фелькнера, А. Ф. Лабзина давно известны отечественным исследователям в различных областях гуманитарного знания — в этой статье делается попытка дополнить уже имеющийся материал возможно новыми фактами и документами. Так, об А. М. Салтыкове существует обстоятельное исследование, написанное Б. Л. Модзалевским² в начале 2000-х гг. Е. М. Елизаровой и Н. П. Собко в «Словаре русских писателей XVIII в.»³ помещена статья, посвященная его литературной деятельности; о Ф. Х. Фелькнере есть статьи в Русском биографическом словаре⁴ и словаре Брокгауза.⁵ Ситуация с изучением деятельности А. Ф. Лабзина несколько иная: кроме общих работ П. А. Бессонова,⁶ Б. Л. Модзалевского,⁷ Н. Ф. Дубровина⁸ есть публикации, близко связанные с затронутой здесь темой Н. А. Державина⁹ и Н. Д. Кочетковой.¹⁰ Последняя работа представляет особую ценность, поскольку включает богатый аналитический материал, основанный на исследовании значительного количества источников.

Как известно, первым конференц-секретарем Императорской Академии художеств был русский гравер и живописец Евграф Петрович Чемесов (1737—1765). Он находился в этой должности в течение двух лет (1762—1764) и вынужден был покинуть пост, поскольку не смог найти общий язык с академическим советом по ряду положений. 1 января 1765 г. новым конференц-секретарем назначается А. М. Салтыков.¹¹ Точная дата рождения русского писателя и переводчика Александра Михайловича Салтыкова

² Модзалевский Б. Л. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков // Русская академическая художественная школа в XVIII в. М.; Л., 1934. С. 95—98.

³ Елизарова Е. М., Собко Н. П. Салтыков А. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 86.

⁴ Фелькнер Ф. Х. // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. С. 46.

⁵ Фелькнер Ф. Х. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 35. С. 446.

⁶ Бессонов П. А. Ф. Лабзин: Литературно-биографический очерк // Русский архив. 1866. № 6. С. 817—836.

⁷ Модзалевский Б. Л. А. Ф. Лабзин // Русский биографический словарь. М., 1914. Т. Лабзина—Лященко. С. 2—12.

⁸ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты : А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Рус. старина. 1894. № 9. С. 145—203; № 10. С. 101—126; № 11. С. 58—91; № 12. С. 98—132; 1895. № 1. С. 56—91; № 2. С. 35—52.

⁹ Державин Н. А. «Ученик мудрости»: (А. Ф. Лабзин и его литературная деятельность) // Исторический вестник. 1912. № 7. С. 137—175.

¹⁰ Кочеткова Н. Д. А. Ф. Лабзин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 178—183.

¹¹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования: В 3 ч. / Сост. П. Н. Петров. СПб., 1864. Ч. 1. С. 101.

неизвестна, вероятно, это 1726 или 1727 г. Службу А. М. Салтыков начал в 1744 г. в Преображенском полку, затем в 1753 г. он получил чин поручика Тобольского полка и закончил свою военную карьеру в 1760 г. в чине секунд-майора.¹² По всей вероятности, именно его брат, Борис Михайлович Салтыков (1723—1808), русский писатель, представитель И. И. Шувалова¹³ в Женеве для поддержания контактов с Вольтером, посодействовал тому, что в 1764 г. А. М. Салтыков поступил в Академию художеств в качестве смотрителя за материалами при строительстве ее нового здания по проекту архитекторов А. Ф. Кокоринова (1726—1772) и Ж.-Б.-В. Деламота (1729—1800). Президент Императорской Академии художеств Иван Иванович Бецкой был приверженцем французского Просвещения, поэтому он не мог не обратить внимания на превосходное владение А. М. Салтыковым французским языком. С этого времени он «принял довольно живое участие в делах Академии, являясь правою рукою Бецкого и состоя членом Совета Академии».¹⁴

28 июня 1765 г. Екатерина II посетила Императорскую Академию художеств, к этому событию была подготовлена «Речь, которую Академия художеств при своей инаугурации приносит Ее Величеству Екатерине Второй Императрице самодержице и всероссийской всемилостивейшей основательнице и покровительнице всеподданнейше приносит благодарение»,¹⁵ произнесенная Александром Салтыковым. Принято считать, что ее авторство принадлежит А. П. Сумарокову.¹⁶ А. М. Салтыков подготовил ее перевод на французский язык, который частично был опубликован историком П. Н. Петровым в 1864 г.¹⁷

¹² Модзалевский Б. Л. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков. С. 95.

¹³ О Шувалове И. И. см.: Степанов В. П. Шувалов И. И. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 428—430.

¹⁴ Модзалевский Б. Л. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков. С. 95.

¹⁵ Салтыков А. М. Речь, которую Академия художеств при своей инаугурации приносит Ее Величеству Екатерине Второй Императрице самодержице и всероссийской всемилостивейшей основательнице и покровительнице всеподданнейше приносит благодарение, говоренная той же Академии конференц-секретарем Александром Салтыковым. СПб.: [При Императорской Академии наук], 1765. 10 с. Издание определено по библиографическому указателю: Материалы к библиографии по истории Академии художеств, 1757—1957. Л., 1957. С. 32.

¹⁶ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 1. С. 767; Елизарова Е. М., Собко Н. П. Салтыков А. М. С. 86.

¹⁷ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 1. С. 776—778.

Примечательно, что в 1766 г. в Императорскую Академию художеств из Московского университета пришла промемория¹⁸ за подписью директора Московского университета Михаила Хераскова.¹⁹ Из письма следовало, что А. М. Салтыков в университетской типографии заказал напечатать свой перевод романа П.-К. Мариво де Шамблена «Жизнь Марианны» в трех частях,²⁰ однако не заплатил требуемых за эту работу 279 р. 60 к. В качестве залога были оставлены вторая и третья части романа. М. М. Херасков потребовал, чтобы академическое начальство взыскало названную сумму с должника. Из документов, имеющих в архивном деле А. М. Салтыкова, можно узнать, что тираж этого издания составил 400 экземпляров; кроме того, он пообещал заплатить за него типографии.²¹ О таланте А. Салтыкова-переводчика очень точно сказали Е. М. Елизарова и Н. П. Собко: «Переводчик не только обнаруживает прекрасное владение французским языком, но и проявляет себя как хороший стилист». ²² Среди других переводов Александра Салтыкова с французского языка на русский следует назвать: повесть Ж.-Ф. Мармонта «Все или ничего» (М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763) и комедию Б. Сорена «Обычай нынешнего века» (СПб.: Тип. Акад. наук, 1764;²³ 2-е изд. — М.: Тип. Комп. типографич., 1788).

По всей вероятности, Александр Салтыков был знаком с Дени Дидро, так как известно, что на заседании Совета Академии художеств 8 июля 1768 г. зачитывалось письмо французского писателя и философа Д. Дидро, адресованное на имя конференц-секретаря.²⁴ В январе 1769 г. на заседании Совета Академии Александр Салтыков получил диплом «на достоинство почетного академика»²⁵ знаменитой Болонской Академии — первой академии художеств в Европе.

¹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 5. Письмо датировано 30.03.1766 г.

¹⁹ Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), в 1756 г. был назначен асессором Университетской конференции, в его ведении находились библиотека, минералогический кабинет и университетская типография, с 1762 г. являлся цензором университетских изданий, с 1763 по 1802 г. директором Московского университета. Более подробно см.: *Кочеткова Н. Д.* Херасков М. М. // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 3 : (Р—Я). С. 345—349.

²⁰ *Жизнь Марианны, или Похождение госпожи графини де**** изданные де Мариво / Перевел с франц. яз. Александр Салтыков. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. Первый том содержал все три части.

²¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 6.

²² *Елизарова Е. М., Собко Н. П.* Салтыков А. М. С. 86.

²³ Издание опубликовано на средства А. М. Салтыкова тиражом 1200 экз.

²⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 1. С. 181.

²⁵ Там же. С. 124.

О дальнейшей деятельности А. М. Салтыкова можно узнать из его переписки с И. И. Шуваловым, датируемой 1770—1771 гг.²⁶ Основными вопросами, обсуждаемыми в этих письмах, являлись: обустройство русских пенсионеров в Италии, Франции, Германии, поиск необходимых преподавателей, у которых можно было бы им обучаться в Европе; привлечение для этой цели в качестве комиссионера Академии И. Ф. Рейфенштейна;²⁷ приобретение 6 экземпляров трудов знаменитого итальянского гравера Д. Б. Пиранези (1720—1778); возвращение из-за границы рисунков русского архитектора И. Е. Старова. В 1771 г. Александр Салтыков делает предложение об определении необходимого для Академии количества канцелярских служащих, а также о принятии на службу переводчика для ведения делопроизводства на иностранных языках.²⁸

Между тем историк искусства П. Н. Петров явно не в лицеприятном свете показывает образ А. М. Салтыкова. «Удаление Е. М. Чемесова — первое дело еще правящего должность конференц-секретаря — выставляет нам Салтыкова человеком далеко не таким, какой нужен для сохранения общего мира между художниками. Интриги, затем следовавшие, подтверждают вполне такое о нем наше мнение. Притом живя не по состоянию, Салтыков с первого же времени бытия своего в Академии постоянно занимал у всех деньги и, должая на стороне,²⁹ клал под сукно поступавшие в его руки на имя Академии долговые претензии на себя, изворачиваясь до времени. В крайности своей, получив как член ревизионного комитета влияние на фактора Академии, А. М. Салтыков скоро после того нашел верный способ получать деньги на свои нужды заимствованиями из сумм факторской, конечно, тайно по сделке с фактором Пальмом».³⁰ В сентябре 1772 г. все злоупотребления А. М. Салтыкова открылись, было проведено служебное расследование с письменным допросом конференц-секретаря и фактора. В своих объяснениях Александр Салтыков указывал: «...льстил, что, конечно, будет время то, что я сию сумму и с процентами заплачу, а между тем старался искать приятелей, которые бы сложились, хотя по несколько и заплатили, да и теперь обещают. Есть ли сие дело может тайно

²⁶ Там же. С. 187—192.

²⁷ Рейфенштейн Иоганн Фридрих (1719—1797), историк искусств, комиссионер, почетный академик Академии художеств.

²⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 407.

²⁹ В деле А. М. Салтыкова сохранились документы, подтверждающие его долги. См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 7—20.

³⁰ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств ... Ч. 1. С. 767.

быть, что б я мог только в публике быть, то, конечно, месяца через два или три заплачу сию сумму, а еще больше есть ли буду отправлен в Москву...».³¹ 2 октября 1772 г. Александр Салтыков получил отставку и разрешение уехать в Москву. Только в 1774 г. он полностью смог рассчитаться с Академией художеств. Любопытно, что в аттестате, данном ему 28 июня 1774 г., указано: «должность свою отправлял с похвальным усердием»,³² скончался он в 1782 г.

После увольнения А. М. Салтыкова обязанности конференц-секретаря недолго (02.10.1772—31.05.1773) исполнял Василий Иванович Полянский (1742—1801), писатель, ротмистр; затем это место занял Ф. Х. Фелькнер. Сведений о Федоре Христиановиче Фелькнере (Völkner Christian Friedr), писателе и переводчике, сохранилось не слишком много. Известно, что он родился в 1728 г., вероятно, в начале 1748 г. приехал из Галле в Россию,³³ где служил в качестве переводчика при Академии наук в ведомстве главы Коллегии иностранных дел Н. И. Панина, затем секретарем в Сенате. Генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский писал о службе Ф. Х. Фелькнера следующее: «...во всю бытность свою при делах правительствующего Сената вел себя добропорядочно и возложенную на него должность исправлял с надлежащим усердием и искусством, в штрафах и подозрениях не бывал».³⁴

Весной 1773 г. Ф. Х. Фелькнер обратился к президенту Императорской Академии художеств И. И. Бецкому с прошением: «Уведомился я, что при Императорской Академии художеств имеется вакансия конференц-секретаря, я же нахожусь без места тому теперь полтора года и считаюсь при Герольдии находящимся не у дел, и желаю под Вашим повелением отправлять помянутую конференц-секретаря должность так, чтобы оной Академии почетный Совет, видя мои труды, через малое время мог засвидетельствовать о моем усердии. Сего ради приемлю смелость всепокорнейше просить Ваше превосходительство дабы пожаловать, приняв меня в свое высокое покровительство, определить в оное место, где я уповаю с Божьей помощью и при совершенном усердии сделаться Императорской Академии художеств небесполезным, а через непорочное поведение себя одобрить и заслужить Ваше благоволение...».³⁵ Определение Совета Императорской Академии художеств не заставило себя ждать: «...с первого

³¹ Там же. С. 768.

³² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 52.

³³ Там же. Д. 615. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 22 об. Аттестат датирован 02.09.1769 г.

³⁵ Там же. Л. 2. Май 1773 г.

июня минувшего 1773 года в должности конференц-секретаря [числится] г. надворный советник Фелькнер, который отменным прилежанием и согласным с желанием признан весьма способным и достойным утвержденного в настоящие Императорской Академии конференц-секретари...». ³⁶

Ф. Х. Фелькнер превосходно владел немецким, шведским и французским языками. Так, им для публичных чтений в Академии художеств в октябре 1776 г. было составлено на немецком языке «Краткое приветствие Их Императорским Высочествам», а также переведена на французский язык с сокращениями «Привилегия», данная вместе с уставом Академии Екатериной II в 1764 г. ³⁷ Названный перевод представлял особую ценность, так как позволял широкому кругу европейской художественной интеллигенции ознакомиться с основными направлениями деятельности этого учреждения. В следующем, 1777 г., Ф. Х. Фелькнером была подготовлена на русском языке речь «О воспитании». ³⁸ Благодаря записи в Журнале заседаний академического совета от 3 сентября 1782 г. известно еще об одной работе Ф. Х. Фелькнера: «...читано сочиненное господином конференц-секретарем краткое изъяснение о побудительной к публичным сей Академии собрании причине, и что в воспитании и обучении ныне выпускаемого из Академии юношества по правилам, предписанным в Уставе монаршем и соответственно силе Привилегии, всемилостивейше пожалованной, прилагаемо было о их благонравии и успехах всевозможное попечение». ³⁹ Последние две речи Ф. Х. Фелькнера свидетельствуют об его интересе к педагогике, прежде всего имеющей практическое применение в стенах Академии художеств. ⁴⁰

На конференц-секретаре лежала большая ответственность за хозяйство и финансы Академии. Ф. Х. Фелькнеру в этом отношении удалось многое сделать: привести в порядок факторскую, создать инвентарную книгу на все находящиеся в ней предметы (21 000 единиц); составить специальную инструкцию для эконома, чтобы более эффективно вести хозяйственную часть; грамотно распорядиться деньгами, выделенными на строительство и ремонт здания Академии художеств; погасить академический долг

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. I. С. 136.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ К сожалению, речи Ф. Х. Фелькнера, произнесенные им в публичном собрании Академии художеств, видимо, не сохранились, поскольку не были найдены среди архивных дел, находящихся в РГИА, об их публикации также ничего неизвестно.

на фантастическую для того времени сумму — 25 000 рублей; поставить воспитательную работу среди учащихся Академии художеств на должную высоту.⁴¹ Столь плодотворная деятельность Ф. Х. Фелькнера была по достоинству оценена: в 1780 г. «во всемилостивейшее уважение за долговременную службу и радетельные труды» он был пожалован в коллежские советники.⁴²

Однако случай с бывшим воспитанником Академии художеств Иваном Комисаровым⁴³ поставил крест на его успешной карьере. 10 августа 1784 г. «Совет Императорской Академии художеств, имея полное собрание, между прочим слушал поданное в оное Ивана Комисарова прошение, дабы Совет приложил свое старание о возвращении ему, Комисарову, двух сот рублей денег, заплаченных им академии художеств господину конференц-секретарю Фелькнеру будто бы за приложенные им труды о сбережении его Комисарова имения».⁴⁴ Решение Совета было однозначно: Ф. Х. Фелькнеру предлагалось вернуть деньги и уйти в отставку. Архивные документы не позволяют с полной уверенностью принять в этом деле сторону просителя или конференц-секретаря; Совет Академии художеств, чтобы избежать возможного скандала решил этот вопрос наиболее для него простым путем. По просьбе Ф. Х. Фелькнера, от Академии художеств ему была назначена пенсия в размере 365 рублей в год,⁴⁵ официальная причина увольнения звучала: «...за настигшею старостью и умалением зрения от дел академических уволен».⁴⁶

Дальнейшая судьба Ф. Х. Фелькнера требует дополнительных изысканий. Известно, что в 1792 г. вышел его перевод на немецкий язык пьесы императрицы Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика (Подражание Шекспиру)»,⁴⁷ кроме того, он занимался древней российской историей и незадолго до смерти, в 1796 г., опубликовал несколько отрывков из своего труда.⁴⁸

Следующим конференц-секретарем Императорской Академии художеств был Петр Петрович Чекалевский (1751—1817), писа-

⁴¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 615. Л. 18 об., 19.

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ Комисаров Иван Яковлевич (1761—?), архитектор, воспитанник Академии художеств, которую окончил с аттестатом второй степени, пенсионер Академии за счет наследства, оставленного ему его дядей ювелиром Ориотти.

⁴⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 615. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Л. 25.

⁴⁶ Там же. Л. 34.

⁴⁷ *Historisches Drama nach Shakespears Muster, ohne Beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der Schaubühne, aus Ruriks Leben; 2-te russische Ausgabe mit Anmerkungen von Generalmajor Boltin.* St-Pb., 1792.

⁴⁸ *Allgemeine Literatur Anzeiger.* 1796. № 41; 1797. № 72—74.

тель, переводчик, историк искусства, вице-президент Академии художеств (1799—1817); он занимал этот пост 14 лет (1785—1799). Его значение для развития теории и практики отечественного искусства настолько велико, что требует самостоятельного исследования.

В сентябре 1799 г. новым академическим конференц-секретарем становится Александр Федорович Лабзин (1766—1825), русский писатель, переводчик, издатель, искусствовед, религиозный философ, масон; его родители — Федор Максимович, секретарь при военной канцелярии генерал-киргис-комиссара Н. Д. Хитрово и Екатерина Васильевна (?—1814). А. Ф. Лабзин получил прекрасное образование: первоначально в Университетской гимназии, а затем как студент Московского университета, отлично владел французским, английским, немецким и латинским языками, являлся издателем знаменитого «Сионского вестника», директором Российского Библейского общества, создателем масонской ложи «Умирующий Сфинкс». Служебная карьера А. Ф. Лабзина на первых порах была столь же успешной: в 1789—1799 гг. он — цензор личной корреспонденции и иностранных газет в секретной экспедиции С.-Петербургского почтамта, с 1804 г. — директор Департамента военно-морских сил, затем непреременный член Адмиралтейского департамента, в начале 1804 г. А. Ф. Лабзин был удостоен чина действительного статского советника и стал кавалером орденов Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 2-й и 3-й степени.⁴⁹

А. Ф. Лабзин приобрел известность своей литературной деятельностью, которая может быть прослежена в нескольких направлениях. В 1780-х гг. им были переведены с французского языка комедия П.-О.-К. Бомарше «Фигарова женитьба» (1787), опера Ла Рибадьера «Безрассудная искренность» (1787), драма Л. С. Мерсье «Судья» (1788), затем в 1802 г. появился его вольный перевод стихотворения «Бессмертие» Ж. Делиля. Кроме того, А. Ф. Лабзин переводил работы иностранных религиозных философов Я. Беме, И.-Г. Юнга-Штиллинга, К. Эккартсгаузена. В 1799 г., по распоряжению Павла I, А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев должны были подготовить «Историю ордена Иоанна Иерусалимского». В 1799—1801 гг. этот пятитомный труд был опубликован, а А. Ф. Лабзин был пожалован званием историографа ордена. В 1807—1808 гг. он принимал участие в издании собрания сочинений Г. Р. Державина, а в 1811 г. был избран членом литературного общества «Беседа русского слова».

⁴⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 886. См. формулярные списки. Л. 20, 41—43, 69—71, 145—148, 217—218, 225—228.

В первые годы своей службы в Императорской Академии художеств А. Ф. Лабзин пишет тексты речей, читаемых им в ежегодных торжественных собраниях Академии. Именно в этих трудах можно проследить его эстетические и педагогические взгляды. По мнению А. Ф. Лабзина: «Изящные искусства основываются на трех главных свойствах: 1) правильности в рисунке, 2) изобретательности в сочинении, 3) сим в выражении: сии суть три столпа, на коих утверждается изящность их. Рисунок есть язык художеств; правильность одного есть грамматика художника; изобретательность есть его поэзия, а выражение — слог. Картина, статуя, здание или чертеж одного есть его диссертация, из которой усматривается и ум, и знания, и практическое искусство художника».⁵⁰

А. Ф. Лабзин придерживался демократических взглядов на состав художников, чьи работы были представлены на ежегодных выставках в Академии. В 1803 г. он писал: «Академия, Милостивые Государи, дает ежегодно, так сказать, отчет всей публике в упражнениях своих, представляя ежегодно в июле месяце взору любителя и любопытного зрителя новые произведения своих художников и посторонних, по желанию их».⁵¹ Александр Лабзин подчеркивает необходимость постоянной практики для художника, поскольку от этого зависит результат его деятельности, при этом вполне соглашаясь, что «не всякий художник каждый год может иметь такую работу, которою бы он льстился обратить на себя внимание публики».⁵² Особое место в своих речах А. Ф. Лабзин уделял моменту награждения художников, которое проходило в торжественной обстановке при участии президента, членов академического совета, почетных любителей и «других знатнейших особ». «Присутствие Ваше возжигает новый огонь ревности в трепетном их сердце, чающем предложенной сим награды — предмета соревнования их — достижение которой будет им еще лестнее, еще драгоценнее при свидетельстве Вашем. Равно ободряет оно и тех из них, которые совершив свое учение, вступают ныне из состояния поучающихся в состояние трудящихся и плодоносящих граждан»,⁵³ — писал А. Ф. Лабзин. Здесь явно прочитывается не только его желание обратить взор высшего общества на художников, но и еще доказать важность труда людей, посвятивших себя искусству. Кроме того, А. Ф. Лабзин прослежи-

⁵⁰ Лабзин А. Ф. [Речь] // Московские ведомости. 1806. № 76. С. 1432.

⁵¹ Лабзин А. Ф. Речь, говоренная в сем Собрании конференц-секретарем действительным статским советником и кавалером Лабзиным // Северный вестник. 1804. Ч. 3. С. 357.

⁵² Там же.

⁵³ Лабзин А. Ф. [Речь] // Московские ведомости. 1806. № 76. С. 1431.

вает переход воспитанников Академии художеств из «состояния поучающихся» в положение уже самостоятельных творческих личностей и называет их не подданными монарха, а гражданами, что еще совсем недавно, в царствование Павла I, было просто невозможно. Примечательно, что в своих речах А. Ф. Лабзин не обходил вниманием не только достижения отечественной школы изобразительного искусства, но и успехи лучших представителей иностранных академий художеств, что позволяло его современникам судить о развитии искусства в целом.

Литературные труды А. Ф. Лабзина были по достоинству награждены. 3 декабря 1816 г. в собрании Совета Академии художеств была зачитана грамота о пожаловании ему ордена Св. Владимира 2-й степени: «Признавая истинною заслугою обществу всякий подвиг, совершаемый для распространения и укоренения в народе истин, служащих к его временному и вечному благу, с особенным удовольствием обратили Мы внимание на ревность и труды употребляемые Вами для издания на отечественном языке многих книг, руководствующих к образованию духа и жизни по началам религии, единым, твердым и истинным. <...> Во уверение, что сие изъявление Нашего благоволения утвердит вас в упражнениях ваших и что вы продолжите предпочтительно заниматься изданием тех книг, кои ведут к познанию простоты истин христианских...».⁵⁴

Б. Л. Модзалевский справедливо отмечал: «В качестве конференц-секретаря Академии художеств, а затем ее вице-президента Лабзин много сделал для Академии, как человек энергичный, дельный и с изящной натурою он принимал живейшее участие в судьбах русского искусства и его деятелей, которые сохранили о нем благодарное воспоминание. Помимо административной работы Лабзин с особенной любовью следил за педагогической стороной академической жизни: он часто приглашал к себе воспитанников, учил и заставлял их петь русские песни, устраивал для них домашние спектакли, в которых играл и сам, сочиняя для театра небольшие пьесы в стихах, что показывает живость его натуры и здравый взгляд на воспитание».⁵⁵ Подобное отношение А. Ф. Лабзина к учащимся Академии художеств находило свое подтверждение в воспоминаниях его современников: «...воспитанники очень радовались, когда Лабзин приезжал на экзамены, которые производились обыкновенно в присутствии президента

⁵⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. Ч. 2. С. 85. На документе стояла подпись императора Александра I.

⁵⁵ Модзалевский Б. Л. А. Ф. Лабзин. С. 4.

Оленина. Войдя в зал, Лабзин принимался скрипеть сапогами и производить такой шум, что совершенно заглушал голос ученика, последнего отсылали на место и, таким образом, экзамен проходит благополучно»,⁵⁶ — писал русский художник Ф. Г. Солнцев (1801—1892).

Между тем в начальный период правления президента Академии художеств Алексея Оленина, связанного с проведением необходимых реформ по переустройству всей академической жизни, А. Ф. Лабзин занял враждебную позицию: «...в открытую конфронтацию с Олениным вступил лишь конференц-секретарь А. Ф. Лабзин <...> другие влиятельные члены Совета составили негласную оппозицию новому президенту Академии с первых же дней его правления. Началась борьба с устаревшими профессорами, учителями и классными смотрителями. <...> На всяком шагу новый президент наталкивался на противодействия. Советники и конференц-секретарь Правления (покойный Лабзин) возненавидели Алексея Николаевича; возбудили против него все академическое общество: ректоров, профессоров, академиков. Мало этого, г. Лабзин делал в Советах такие выходки, каких другой президент не перенес бы; но Алексей Николаевич не таков был, чтобы отступить от принятого правила: забывая все личности, он шел к улучшениям Академии».⁵⁷ Возможно, здесь сказался еще и характер А. Ф. Лабзина, точно подмеченный Б. Л. Модзалевским: «Избалованный подчас раболепным отношением к себе и зная силу своего влияния, Лабзин казался часто человеком гордым, надменным».⁵⁸ Кроме того, ему оказывали свое покровительство император Александр I и министр народного просвещения князь А. Н. Голицын. В 1817 г. скончался вице-президент Академии художеств П. П. Чекалевский и в январе 1818 г., несмотря на явное нежелание президента Академии, А. Ф. Лабзин был утвержден в этой должности.

Судьбу А. Ф. Лабзина решил случай, когда он на заседании академического совета высказался против избрания в почетные вольные общники В. П. Кочубея, Д. А. Гурьева и самого А. А. Аракчеева — приближенных к императору лиц. «Между тем лабзинская история стала достоянием гласности: 25 сентября 1822 г. Карамзин писал к И. И. Дмитриеву: «Вот анекдот: в Академии художеств предлагали графа Кочубея в почетные члены, как любителя искусств и человека близкого к государю;

⁵⁶ Императорская Санкт-Петербургская академия художеств: Краткий исторический очерк / Сост. С. К. Исаков. СПб., 1914. С. 37.

⁵⁷ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. СПб., 2004. С. 161.

⁵⁸ *Модзалевский Б. Л.* А. Ф. Лабзин. С. 10.

а Лабзин сказал академикам: „Если надобно выбирать в члены людей, близких государю, то предлагаю вам Илью кучера!“ Эта глупая шутка дошла до полиции, как слышно». ⁵⁹ Конечно, это явно необдуманное высказывание А. Ф. Лабзина было воспринято Александром I крайне негативно и послужило не только его отставке, но и высылке из столицы 20 октября 1822 г. в город Сенгилей. Только спустя полгода последовало разрешение А. Ф. Лабзину поселиться в Симбирске, где он и скончался 7 февраля 1825 г.

Кроме общеизвестной причины отставки А. Ф. Лабзина существует и другая косвенная версия. Известно, что император Александр I в последний период своего правления занял враждебную позицию по отношению к масонским организациям. 12 августа 1822 г. им был подписан указ «О запрещении тайных обществ и масонских лож», явно направленный против масонов, особенно тех из них, кто находился на государственной службе. В 3-м пункте этого документа значится: «Как несвойственно чиновникам в службе находящимся обязывать себя какой-либо присягою, кроме той, которая законами определена поставить в

⁵⁹ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. С. 168. Кроме того, есть описание этого события в письме известного скульптора И. П. Мартоса к И. Р. Мартосу от 16 января 1822 г.: «Из письма вашего я вижу, что вам известна участь Александра Федоровича Лабзина; я вам скажу, что он более несчастлив, нежели виноват; его уже здесь нет, он, как великий преступник, выслан отсюда в сопровождении полицейского офицера в город Синглей Симбирской губернии за 1519 верст отсюда. Известно, что в словах он был неводержан и в публике шел за дерзкого, но сам он этого в себе не видел, и ему казалось, что говорит безгрешно. В академическом совете в присутствии президента, при назначении в почетные любители графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Гурьева, когда мною объявлено было сожаление, что академия за неимением места не может иметь своим сочленом графа Остермана-Толстого, который, как уже известно, покровительствует художников, а притом и близок государю, он сказал сии слова: и Илюшка близок к государю, то и его принять в члены (Илья — кучер государя). Сие слово разнеслось по городу и дошло до военного генерал-губернатора; в донесении же так преувеличено, что он будто бы сказал сие, ругая вышеописанные важные лица. Я имел случай говорить с графом Алексеем Андреевичем, удовлетворил его, что он их не ругал и объяснил в точной истине сказанное Лабзиным. Говорят, что его путешествие было несчастливо: в Москве не позволено было ему прожить более одного дня, а почтенная его жена в дороге, при падении кареты, так повердила себе ноги, что уже не ходит; сам же он имеет падучую болезнь, которой припадки часто с ним бывают, и в дороге с ним случились. Книга его перевода — Торжество Евангелия здесь не всеми хорошо принята, многие, прочитав объявление переводчика и начало книги, в коей находятся вопросы неверующего, бросают и не хотят дочитывать ее до конца, хотя в ней выставлены неопровержимые доказательства патера неверующему; они кажутся ужасными и говорят — на что делать такие вопросы, которые отрицают божественность Спасителя». См.: Частная переписка И. Р. Мартоса, 1817—1880. Киев, 1898. С. 18—19.

обязанность всем министерствам и другим начальствам, в обеих столицах находящимся, потребовать от чиновников, в ведомстве их служащих, чтобы они откровенно объявили, не принадлежат ли они к каким-либо масонским ложам или другим тайным обществам в Империи, или вне оной, и к каким именно?»⁶⁰ 19 августа 1822 г. в Академию художеств из Министерства духовных дел и народного просвещения поступили формы расписок для чиновников и преподавателей об их участии в масонских ложах и тайных обществах. 17 человек сознались в том, что были причастны к различным масонским ложам. Среди них можно обнаружить имена известного русского художника, советника Академии художеств В. Л. Боровиковского и протоколиста К. П. Скворцова,⁶¹ которые принадлежали к масонской ложе «Умиравший Сфинкс». В том числе сохранилась и расписка самого А. Ф. Лабзина, где раскрывалась деятельность его ложи.⁶² Таким образом, активное

⁶⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 170. Л. 5.

⁶¹ Скворцов Козьма (Кузьма) Петрович (1784—?), протоколист в Академии художеств, учитель мифологии 2-го возраста Воспитательного училища при Академии художеств, попечитель Комитета Императорского Человеколюбивого общества, секретарь А. Ф. Лабзина.

⁶² «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе так в просторечии называемых Новиковских братьев масонов в Москве, которая не только давно упразднилась, но и из членов ее составляющих едва ли, кто остается в живых. По возобновлении же лож здесь в Петербурге я был почетным членом двух лож, состоящих под ведением большой ложи Астреи: немецкой, Александра, коронованного Пеликана и русской — Российского Орла, также для братьев, не любящих шумных собраний и хвастовства, по праву, которое мне приобретенные в масонском ордене степени давали, держал особую независимую ложу умирающего Сфинкса, которая и самому Его Императорскому Величеству была известна, ибо когда 5 декабря прошлого 1821-го года г. обер-полицмейстер с г-ми полицмейстерами, частным приставом делали осмотр в квартире, которая нанималась для ложи, и в оной некоторые вещи запечатали и найденные тамо бумаги были ими взяты: то на другой же день по утру прислан ко мне был полицмейстер г. полковник Чихачев, который, извиняясь в причиненной нам вчерашнего дня тревоге, взятые из ложи бумаги мне возвратил и предложил свою готовность снять и наложенные на некоторые вещи печати, что в то же утро и исполнил, уверяя, что мы можем несомненно и беспрепятственно продолжать наше доброе дело. Вследствие чего по вступлении опять в нашу ложу мы единогласно положили праздновать ежегодно день рождения Его Императорского Величества, хотя бы и по времени и другой Государь сидел на российском престоле, яко истинного благодетеля и высокого покровителя нашего. Но несмотря на все поданные мне уверения в безопасности, мысль о прекращении масонских работ, как бы по предчувствию некоему, от меня не отставала и 28-го еще апреля я ложу свою закрыл, а как теперь и все другие вследствие высочайшего повеления также уже закрыты, то я ни к какой ложе более не принадлежу; к другим же тайным обществам, ни внутри, ни вне отечества нашего, никогда я не принадлежал. И как и по масонским, равно как и по христианским правилам, одна из первейших должностей каждого есть повиновение законной власти, то на основании последовавшего ныне Высо-

участие А. Ф. Лабзина в масонском движении, если не стало первопричиной его отставки, то во всяком случае вполне могло способствовать ей.

В заключение следует сказать, что служба в Академии художеств влияла на творчество А. М. Салтыкова, Ф. Х. Фелькнера, А. Ф. Лабзина, а иногда отражалась и на судьбе писателей, что безусловно необходимо учитывать при рассмотрении их наследия в рамках истории русской литературы XVIII столетия.

чайшего повеления обязуюсь отныне впредь ни сей ложе и ни к каким другим ложам или тайным обществам как в империи, так [нрзб.] народится могущим не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 170. Л. 30).